

Фан Вэньли цепко ухватил слугу за шиворот.

— Дай сюда.

А Сю, которого едва не придушило воротником, высунул язык и покорно поднял руки, сдаваясь. Вэньли отпустил его и неспешно забрал обёрнутую в промасленную бумагу мясную лепешку.

Слуга отступил на пару шагов и, выудив оставшийся кусок, принялся жевать, украдкой наблюдая за хозяином.

«Всё ещё глаз не сводит. Коли такой смелый, так иди к нему! Что толку в прятки играть?»

Быстро покончив с едой, А Сю снова пристроился рядом с господином, вытягивая шею в сторону лотка Тао Цинъюя.

— Ого! Где это Хозяин Сяо Юй раздобыл таких золотых рыбок? Цвет — загляденье! — воскликнул он и, бросив хозяина, направился напрямик к палатке.

У озера уже собралось немало народу, но в основном это были торговцы фонарями. На их фоне лоток Цинъюя выделялся ярким пятном. В белых фарфоровых чашах маленькие золотые рыбки казались парящими в пустоте; их хвосты мерно колыхались, точно крылья сказочных бабочек. Чешуя, отливающая янтарём, мгновенно приковывала взгляды прохожих. Люди то и дело останавливались, чтобы полюбоваться и расспросить о диковинке, хоть и не спешили покупать.

— Хозяин Сяо Юй, а рыбки продаются? — спросил А Сю, присаживаясь перед лотком на корточках.

В пустом дворе господина было слишком тихо, неплохо бы завести там какую-нибудь живность для оживления. К тому же рыбки из рук Цинъюя наверняка порадуют Вэньли, и тот станет хоть чуточку милостивее к своему слуге.

Цинъюй осторожно передвинул одну из чаш поближе.

— Не продаю. Но если хочешь — выбери любую, я тебе её подарю.

— Ну как же так можно... — замялся А Сю.

В этот момент за его спиной бесшумно вырос Фан Вэньли. От его легкого, едва заметного движения слуга, потеряв равновесие, шлёпнулся прямо на землю.

Он поднялся, отряхивая одежду и что-то ворча себе под нос. Но стоило ему наткнуться на тяжелый, многозначительный взгляд господина, как желание спорить мгновенно испарилось.

«И чего прятался? Чего теперь вылез?»

А Сю обиженно забормотал это себе под нос, но в уголках его губ заиграла лукавая улыбка. Он послушно пристроился рядом с Тао Синваном и принялся расспрашивать о правилах.

— Мы не продаём вещи, мы предлагаем их выиграть, — ответил за дядю Цинъюй, зная, что тот не слишком словоохотлив.

Однако «молчаливый» Синван, завидев учителя Фана, расплылся в радушной улыбке:

— Цунлю! Что же ты стоишь? Иди к нам, присаживайся.

Вэньли почтительно склонил голову:

— Дядя.

Он обогнул прилавок и подошёл к Цинъюю. Юноше ничего не оставалось, как пододвинуть ему табурет.

— Садись.

Вэньли взглянул в лицо Цинъюю, и его губы тронула тень довольной улыбки. Подобрал полы халата, он с достоинством опустил на сиденье. В деревянном ведре рядом плескалась вода — там плавало ещё десятка два золотых рыбок самых разных расцветок. Хоть они и были «бракованными», при должном подходе за них можно было выручить неплохие деньги.

Юноша снова занялся делом. Его руки постоянно были в холодной воде; судя по покрасневшей, потрескавшейся коже, он так и не воспользовался мазью, которую ему прислали. Вэньли нахмурился, не в силах отвести взгляда от этих натруженных рук.

— Что значит — игра в кольца? — спросил он.

Цинъюй поставил очередную чашу перед дядей, оберегая её так бережно, будто внутри была бесценная жемчужина. Когда всё было готово, он достал деревянную дощечку и вывел на ней белую точку самодельным мелом.

— Нужно встать за черту и бросать бамбуковые кольца. Две монеты за бросок. На какой предмет кольцо накинешь — тот твой.

Посмотрев на свои иероглифы, Цинъюй остался недоволен. Он перевёл взгляд на сидящего рядом мужчину и, словно краб, боком придвинулся ближе.

— Учитель Фан...

Тот отвел глаза, но вид их соприкоснувшихся подолов принёс его смятенному сердцу мимолётное утешение.

— Фан Вэньли? — позвал Цинъюй.

— М-м?

«Ну и ну, неужто по имени звать — единственный способ до него достучаться?» — подумал юноша и, лукаво сощурившись, спросил:

— Поможешь мне в одном деле?

Вэньли коснулся пальцами края рукава:

— Хочешь, чтобы я написал объявление?

— В точку!

Цинъюй протянул ему мел и поднял дощечку:

— Пиши: «Игра в кольца. Две монеты за попытку. Попал — приз твой».

Вэньли бросил на него быстрый взгляд. Чистые, ясные глаза гээра больше не выражали прежнего холодка и отстраненности. Учитель тихо рассмеялся. Повертев в пальцах необычный мелок, он вывел первые слова, пробуя инструмент в деле.

От этого смеха Цинъюй стало жарко. Он поспешно отвернулся, разглядывая каллиграфию. Странно: мел был тот же самый, но у него буквы выходили обычными, ученическими, а под рукой учителя они обрели силу и скрытую мощь. С таким объявлением люди могли подумать, что здесь торгуют предметами искусства.

— Две монеты? — переспросил Вэньли.

— Дорого? — Цинъюй, сидевший на корточках, вскинул на него взгляд. Его ресницы, длинные и густые, казались нарисованными тушью.

«Такой послушный... и красивый».

Вэньли невольно потянулся рукой к лицу юноши, но, встретив его недоуменный взгляд, замер и как бы невзначай коснулся дощечки.

— Скорее, мало, — его голос звучал мягко и чуть хрипло. — Лучше поднять цену, ориентируясь на золотых рыбок.

В уезде немало богатых людей, а в Праздник фонарей юноши и гээры гуляют парами. Если гээру приглянется рыбка, его спутник не станет жалеть нескольких монет. Призов у Цинъюя было немного, и при низкой цене он рисковал даже не окупить стоимость рыбок.

— И сколько, по-твоему, будет в самый раз?

— Пять монет за один бросок, — предложил «коварный» учитель.

Тао Синван, услышав это, невольно засомневался. Не слишком ли много? Если бы его дети попросили... Хотя, будь старший брат здоров, он бы наверняка уступил просьбам детей. Но разве что один раз.

— Каждый год у озера Фэнъян гуляет молодежь. В такой праздник они щедры, — добавил Вэньли.

— Но пять монет... Не отпугнет ли это людей?

— Мы лишь пробуем. Ты здесь единственный с таким товаром, отчего бы не рискнуть?

Учитель говорил спокойно, но в его тоне чувствовалась непоколебимая уверенность. С таким характером ему бы не книги читать, а торговые караваны водить.

Цинъюй, привыкший считать каждую медяшку, сам бы никогда не решился на такую дерзость. Но подбадривающий взгляд Вэньли придал ему сил.

— Ладно! — решительно хлопнул он по коленям. — Была не была, попробуем!

Вэньли едва заметно приподнял бровь и быстрым, уверенным движением вывел на доске цену.

Пока народу было немного, Цинъюй убрал лишнюю посуду в корзину и присел на соломенную циновку, дожидаясь первых клиентов. Сидевший рядом учитель Фан хранил молчание, точно каменное изваяние. Юноша украдкой взглянул на него.

«Разве он не пришёл обсудить дела? Если не сейчас, то потом времени может и не быть».

Цинъюй прикусил губу и пересел поближе к Вэньли.

Мужчина хотел было подняться, но юноша ухватил его за край одежды.

— Куда ты?

Гээр, сидящий у его ног и задирающий голову, в этот миг казался ластящимся котенком.

— Хотел уступить тебе место, — мягко ответил Вэньли.

— Я посижу на циновке. Есть разговор, не уходи.

В глазах собеседника вспыхнули искорки смеха:

— И о чём же разговор?

— Разве ты пришёл не ради нашей свадьбы? — Цинъюй понизил голос до шепота, покосившись на дядю, который увлеченно беседовал с А Сю.

— ...Да.

Цинъюй разжал пальцы.

— Ты помнишь, что я говорил в тот вечер?

Пальцы Вэньли едва заметно дрогнули.

— Не помню.

Он скользнул взглядом по руке юноши.

«Вот бы он снова напился...»

Цинъюй, не заметив в его словах подвоха, тихо спросил:

— Тогда скажи сперва, какие у тебя требования?

Мужчина, сделав вид, что не расслышал, чуть склонился к нему. Со стороны они казались влюбленной парой, воркующей о своих секретах. Синван, бросив на них короткий взгляд, тут же отвернулся и принялся расспрашивать слугу о жизни учителя.

— Я уже говорил: всё будет так, как ты пожелаешь, — прошептал Вэньли. — В любое время.

Цинъюй обхватил колени руками и надул щеки:

— Нельзя же всё время полагаться только на меня. К тому же я уже потратил твои деньги.

— Так и должно быть, — отозвался учитель.

— Тогда... как я и говорил, пятый или шестой месяц — это удобно? — Юноша нахмурился. — Если раньше, семья не успеет подготовиться. Но и затягивать неловко...

— Хорошо, — согласился Фан Вэньли.

— И ещё... — Гээр поднял на него глаза. — Я думаю, не стоит устраивать пышное торжество. Как считаешь?

Мужчина скрыл мимолётное разочарование в глубине глаз:

— Все положенные обряды мы всё же совершим.

Против этого Цинъюй не возражал:

— Договорились. Полагаюсь на тебя.

В династии Дали брак связывал людей на всю жизнь. Разводы случались крайне редко, и гээрам или девушкам из простых семей после них приходилось несладко. Таковы были времена. У Цинъюя не было иллюзий насчёт замужества, но союз с Фан Вэньли казался ему честным соглашением, которое куда приятнее, чем бесконечные бытовые ссоры в обычном браке.

— У тебя есть другие пожелания? — спросил Вэньли.

— Нет, это всё.

Мужчина кивнул:

— Раз мы целимся на май или июнь, значит, скоро пора засылать сватов.

Цинъюй вздрогнул. Его пальцы невольно потеребили ткань брюк.

— Хорошо.

— Я сам обо всём позабочусь, твоим родным не о чем беспокоиться.

— Спасибо.

Вэньли посмотрел на юношу, сидевшего так близко, и только хотел что-то сказать, как...

— Хозяин! Дай-ка мне пару колец!

Услышав голос первого клиента, Цинъюй виновато улыбнулся Вэньли и, бросив его, поспешил зазывать народ.

Учитель Фан остался смотреть на прилавок, подавляя желание скупить все кольца самому. Глядя, как юноша улыбается паре молодых людей, подошедших к лотку, он почувствовал, как его взгляд становится тяжелым и тёмным.

А Сю украдкой отодвинулся подальше от хозяина.

«Ну вот, опять началось. Сейчас изведется весь...»

Торговля пошла бойко, и вскоре у лотка собралась целая толпа. Цинъюй, воодушевленный звоном медных монет в кошеле, зазывал прохожих всё активнее. Когда первая волна схлынула, он обернулся, но Фан Вэньли уже и след простыл.

— Хозяин домой ушёл, — подсказал А Сю, помогавший у прилавка.

Цинъюй крепче прижал к себе кошель и довольно заулыбался.

Слуга лишь покачал головой.

«Знал бы господин, какая у Сю Юя реакция на его уход, точно бы всю ночь глаз не сомкнул от обиды».

Днём покупателей было немного, настоящий наплыв ожидался к вечеру. Циньюй решил сэкономить силы и перекусить припасенными лепешками. Со всех сторон доносились манящие ароматы уличной еды, и юноша невольно сглотнул слюну, стараясь не смотреть на проносящиеся мимо подносы с дымящейся лапшой.

Едва он принялся жевать сухую лепешку, как перед ним с легким стуком опустился лакированный коробок. Гээр, набив рот, замер, точно запасливый хомяк.

— Поешь горячего, — произнес Фан Вэньли, опуская глаза.

— Не стоило...

— Я сам готовил.

В памяти Циньюй мгновенно всплыл тот чудесный аромат, что он учуял когда-то в переулке Цзиньфу. Желудок отозвался голодным спазмом.

— Я нёс его специально для тебя.

Циньюй с трудом проглотил кусок и кивнул:

— Хорошо.

На лице Вэньли расцвела улыбка. Он грациозно опустился на циновку и открыл крышку. А Сю тут же пристроил дощечку поверх корзины, соорудив подобие столика.

Учитель приготовил три блюда и суп, подав их с белоснежным рисом. Аромат домашней еды мгновенно затмил запахи соседних лавок. Циньюй отбросил сухую лепешку без малейшего сожаления.

— Дядя, идите к нам, — позвал Фан Вэньли.

Синван не стал церемониться:

— Прости за беспокойство, Цунлю.

— Пустяки, — мужчина подал палочки сначала ему, а затем Циньюю.

— А ты? — спросил юноша.

— Я уже поел.

А Сю пристроился сбоку и, заглянув на дно коробка, радостно хмыкнул. И для него нашлась порция! Редкая удача — отведать стряпню господина.

— Ешьте скорее, пока не остыло.

Цинъюй отправил в рот добрую горсть риса — чистого, сладковатого, зернышко к зернышку. За ним последовал кусочек мяса в остром соусе. Вкус был божественный. Юноша, не в силах говорить, просто показал учителю большой палец.

— Слишком вкусно! — наконец выдохнул он.

— Не спеши, — мягко ответил Вэньли.

— Угу...

Но замедлиться было невозможно. Глаза Цинъюя блаженно сощурились, точно у кота на солнце. Учитель смотрел на него, не в силах отвести взгляд, но вовремя спохватился.

— У тебя потрясающий талант к готовке, учитель Фан, — признал юноша. После этого обеда даже лучшие блюда из таверны казались ему пресными.

— В таком случае я буду готовить для тебя чаще, — отозвался собеседник с затаенной нежностью.

— Договорились! — хором ответили Цинъюй и А Сю.

Вэньли обернулся к слуге и коротко рассмеялся. Цинъюй почувствовал, как его уши заливают румянец. И зачем он только это ляпнул! А всё еда виновата — слишком уж хороша.

После этого обеда уважение Тао Синвана к учителю выросло до небес. В его глазах Фан Вэньли стал лучшим кандидатом в зятя во всём уезде Миншуй.

После полудня А Сю унёс посуду домой. Синван принялся величать Вэньли «Цунлю», общаясь с ним едва ли не ласковее, чем с родным сыном. К счастью, вскоре учителю пришлось отлучиться по делам, иначе Цинъюй совсем бы сгорел со стыда.

К вечеру на озере зажглись сотни фонарей. Огромные конструкции из шелка и бамбука возвышались над водой, поражая воображение. Цинъюй прикорнул на тележке, но шум толпы вскоре заставил его проснуться.

Прилавки уже обступили люди. А Сю и Синван едва успевали подавать кольца. Юноша заглянул в корзину — призов осталась едва ли половина. Вряд ли товара хватит до полуночи.

Тьма окончательно окутала уезд. По берегам озера Фэнъян вспыхнули тысячи огней, отражаясь в зеркальной глади. В центре озера сиял огромный фонарь в форме дерева, заливая всё вокруг светом, ярким как днём. Из беседки доносились звуки флейт и цитр. Уличные акробаты, глотатели огня и мастера фейерверков развлекали публику на каждом шагу.

Толпа текла по улицам живым потоком. Циньюй стоял у своего лотка и весело выкрикивал:

— Подходи, честной народ! Пять монет за бросок! Тканевые цветы, игрушки и золотые рыбки ждут своих героев!

Его звонкий голос разлетался далеко, и любопытные прохожие, работая локтями, пробивались к лотку. А Сю, окончательно ставший «своим», помогал зазывать клиентов активнее всех.

— Хозяин, почём рыба? — спросил один из гостей.

— Рыба не продаётся! Но за пять монет вы можете испытать удачу. Кольцо попадет на чашу — рыбка ваша! — со смехом ответил Циньюй.

К прилавку подошёл молодой господин в дорогих одеждах, сопровождаемый лишь юным слугой. А Сю, завидев его, первым протянул кольца.

— Доброго здоровья, молодой господин Цзинь, — вполголоса произнес он.

Бай Цзинь приподнял бровь и легким движением бросил кольцо.

— Есть! Попал! — закричали в толпе.

Циньюй бамбуковым крюком достал кольцо:

— Честная победа. Приз ваш!

Он пересадил рыбку в тубус и подал гостю. Слуга Бай Цзиня с восторгом принялся рассматривать добычу. Толпа ахнула — таких золотых рыбок в уезде еще никто не видел. Прохожие теснились, пытаясь хоть пальцем коснуться чешуи.

— Хотите продолжить? — спросил Циньюй.

Слуга Бай Цзиня хотел было подать знак, но вокруг было слишком много глаз. Безошибочно

бросая кольца, Бай Цзинь — привычный к играм в метание стрел — один за другим забрал десять призов.

Народ ликовал, подбадривая везунчика. Цинъюй, подсчитывая выручку, украдкой глянул на приунывшего дядю и тоже соорил горестную мину. Видя, что призы тают на глазах, остальные гости засыпали его монетами.

— Хозяин, мне пять колец!

— И мне!

— Десять колец, скорее, а то рыбки кончатся!

Цинъюй едва успевал прятать медь и выдавать кольца. Бай Цзинь со своим слугой отошли в сторонку, любуясь десятью тубусами с рыбками.

А Сю неслышно подобрался к ним:

— Молодой господин Цзинь, что же вы не дали знать, что прибыли?

— Решил сперва на озеро поглазеть. Скажи, эти рыбки... можно их у учителя оставить?

— Это вы уж сами у него спрашивайте, — ухмыльнулся А Сю.

Вскоре золотые рыбки закончились. Толпа разочарованно вздохнула и начала редеть. Уставший Цинъюй опустился на табурет. А Сю продолжал о чем-то шептаться с Бай Цзинем.

Вдруг перед глазами юноши вспыхнул золотистый свет. Он поднял голову и замер.

Над ним парил фонарь в форме карпа. Тонкая работа: хвост рыбы подрагивал, а сквозь алую бумагу пробивалось мягкое сияние. Казалось, карп живой.

— Карп? — прошептал Цинъюй, глядя на человека, державшего фонарь.

Фан Вэньли смотрел на него с бесконечной нежностью:

— Тебе.

Цинъюй в изумлении застыл. Мужчина наклонился и, осторожно взяв юношу за запястье, вложил рукоять фонаря в его ладонь.

— Держи крепче.

Юноша послушно сжал пальцы. Фан Вэньли отпустил его руку, и свет фонаря озарил усталое, но сияющее лицо Цинъюя.

— Нравится?

Цинъюй медленно кивнул, глядя, как качается бумажная рыба.

— Очень красиво. Ты его купил?

— Выиграл в загадках. Этот был самым красивым.

Они стояли, не замечая ничего вокруг, пока Бай Цзинь не заикнулся от изумления:

— Это... это... учитель Фан?!

А Сю довольно хихикнул:

— А вы сами спросите. Ну, я пойду помогу, а вы отдыхайте.

Слуга принялся раскладывать оставшиеся мелочи на прилавке, хотя без рыбок интерес к игре заметно угас. Вэньли тем временем отошёл и вернулся с целой охапкой фонарей — плодами своих побед в конкурсе загадок.

Цинъюй смотрел на это великолепие, и в его душе становилось светло и тепло.

— Ты ведь не специально ради моего лотка столько загадок разгадал? — с улыбкой спросил он.

— Вообще нет. Это всё для Сяо Юя. Если бы ты не был занят, я бы сводил тебя на сам конкурс.

В свете фонарей учитель Фан казался сошедшим с небес небожителем. Юноша почувствовал, как жар приливает к щекам, и поспешно отвел глаза.

— Я... пойду помогу дяде. Спасибо тебе.

— Так и должно быть.

«Опять — так и должно быть. Это его любимая фраза?»

— Учитель, — Бай Цзинь почтительно поклонился Фан Вэньли.

— Присаживайся.

Бай Цзинь с сомнением покосился на крошечную скамеечку, но, видя, что учитель сидит на такой же с полной невозмутимостью, послушно опустился рядом. Синван, догадавшись, что гость знаком с учителем, тут же подставил ему свой стул:

— Садитесь, молодой господин.

— О, благодарю, дядя!

— Тебе бы следовало называть его дедушкой, — поправил Вэньли.

Бай Цзинь опешил:

— Учитель, вы нашли родственников? А тот юноша...

— Мой будущий супруг.

— Значит, Шиде — отец-наставник! — Бай Цзинь не мог скрыть изумления. Он-то думал, что его учитель обречен на вечное одиночество.

Несмотря на скромную обстановку, Фан Вэньли держался с безупречным достоинством. Его присутствие и благородный облик сами по себе привлекали к лотку новых покупателей.

— Что привело тебя из Академии Сюаньтун в наш скромный уезд? — спросил Вэньли.

— Дела.

Учитель не стал расспрашивать дальше:

— Есть где остановиться?

— Пока нет. Думал, нагуляюсь и пойду к вам проситься, — улыбнулся Бай Цзинь.

Вэньли бросил на него строгий взгляд, и ученик тут же посерьезнел:

— Я сейчас же пойду, дорогу до дома найду сам.

Только тогда учитель кивнул. Бай Цзинь ушёл, бережно неся свои тубусы с рыбками.

Цинъюй, освободившись от забот, подошёл ближе:

— Это был твой ученик?

— Да, — Вэньли улыбнулся. — Он из моего первого набора в Академии Сюаньтун.

— И сколько же тебе тогда было лет?

— Двадцать.

— Значит, всего два года прошло...

— И что в этом такого?

Цинъюй покачал головой:

— Просто ты совсем не кажешься новичком. Ты такой... степенный и надежный, будто всю жизнь только и делал, что учил других.

— Хочешь сказать, что я выгляжу старым? — приподнял бровь мужчина.

Юноша рассмеялся. Ох уж эта щепетильность в вопросах возраста! Он в шутку помахал перед его лицом четырьмя пальцами:

— Ты ведь на целых четыре года старше меня!

Фан Вэньли замер. Глядя в сияющие весельем глаза Цинъюя, он тихо произнес:

— Тот, кто постарше... лучше умеет баловать.

Цинъюй осекся. Поймав глубокий, пронзительный взгляд учителя, он почувствовал, как сердце пропустило удар.

— Я... пойду помогу, — пробормотал он и в полном смятении бросился прочь.